

С.И.Журавлев

**ПАМЯТЬ
ПОМОЩНИХ
ПЫЛАЮЩИХ
ЛЕТ**

872/04/
ж 9/
С. И. Журавлев

ПАМЯТЬ ПЫЛАЮЩИХ ЛЕТ

9-65552
СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ПРОЗА
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Книга для учителя

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1985

Орбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

глава 5

ЭТА ВОЙНА ДОЛЖНА БЫТЬ ПОСЛЕДНЕЙ!

(Виктор Астафьев)

Роковым препятствием на благородном человеческом пути была и остается война — самое безнравственное деяние из всех, какие породил человек. Но люди упорно борются за то, чтобы само слово ВОЙНА упоминалось бы со стыдом и раскаянием теми разумными существами, кои будут жить после нас и ради которых мы живем ныне и работаем.

Виктор Астафьев

«Кому что снилось? Докладывай!» — шутливо приказывает в «Звездопаде» своим товарищам по госпитальной палате старшина-разведчик с перебитыми ногами Гусаков. И в ответ слышит: «Дак чё может нам сниться? Война! Все она проклятая...»

А лирический герой «Оды русскому огороду» настойчиво вопрошает свою память: «Память моя, память, что ты делаешь со мной?! Все прямее, все уже твои дороги, все морочней образ земли, и каждая дальняя вершина чудится часовенкой, сулящей успокоение...

И все не умолкает во мне война, сотрясая усталую душу. Багровый свет пробивается сквозь немую уже толщу времени, и, сплюснутая, окаменелая, но не утеревшая запаха гари и крови, клубится она во мне».

Не умолкает война и в творчестве Виктора Астафьева, для которого тема народного подвига, по собственному его признанию, тема *святая*: «Тема войны для меня — святая тема, и хочется, чтобы писалось трепетно, с болью и святым уважением к тем людям, с которыми я воевал и которых приходилось мне хоронить вдоль долгих дорог войны»¹.

¹ Астафьев В. Посох памяти. М., 1980, с. 241.

Виктор Астафьев.

И потому вновь и вновь возвращается писатель к этой теме, возвращается в свою юность, прошедшую на войне. Но смотрит на нее уже с высоты прожитых лет, с высоты дня сегодняшнего. Отсюда и философская глубина осмысления художником событий.

Читая прозу лауреата Государственных премий СССР и РСФСР Виктора Астафьева, ясно видишь, насколько она личностна и автобиографична.

Родился Виктор Петрович Астафьев в 1924 году в Сибири, неподалеку от Красноярска. В семь лет потерял мать, утонувшую в Енисее. С ранних лет вынужден был заботиться о себе сам, порой, в буквальном смысле, добывая себе

хлеб насущный. Закончив ФЗО, работал составителем поездов, а в 1942 году ушел на фронт, воевал рядовым во взводе управления артиллерийского дивизиона. Был тяжело ранен. В 1945 году демобилизовался, работал на разных работах. Был грузчиком, рабочим в горячем цехе, сотрудником газеты.

В 1953 году вышла небольшая книга Астафьева — сборник рассказов «До будущей весны», с которой сам он и ведет отчет своей литературной жизни.

В одной из бесед В. Астафьев заметил, что если бы не война, то он начал писать бы гораздо раньше, так как «испытывал тягу к сочинительству с детства». Но тут же добавил, что войне он обязан богатством и разнообразием впечатлений, знанием людей и жизни, ни с чем не сравнимым духовным опытом. Эта мысль, так или иначе варьируясь, не раз будет высказываться писателем, считающим Отечественную войну «самым великим, что было в нашей жизни», и глубоко убежденным в том, что писать о войне надо «достойно и с достоинством».

«Что бы мне хотелось видеть в прозе о войне? — спрашивает писатель. И тут же отвечает: — Правду! Всю жестокую, но необходимую правду, для того, чтобы человечество, узнав ее, было благоразумней»¹.

Это высказывание принципиально для В. Астафьева, со страстной категоричностью не приемлющего фальшь ни в своем, ни в чужом творчестве (писатель часто выступает с критиче-

¹ Астафьев В. Посох памяти, с. 193.

скими разборами текущей литературы, много сил и времени отдает работе с рукописями начинающих авторов).

Собственно, первый написанный В. Астафьевым рассказ явился как бы реакцией на бытовавшее порой в прозе 40—50-х годов бодренько-оптимистическое изображение войны, легковесное и приукрашенное ее изображение.

Астафьев, как сам он вспоминает об этом, попал однажды на занятие литкружка, где обсуждали написанный одним из кружковцев рассказ о войне. Герой этого рассказа, летчик, «сбивал и таранил фрицев, как коршун!»

Возмущенный фальшью и сусальностью изображения войны, Астафьев, запершись в вахтерке (работал он тогда ночным сторожем на заводе), за одну ночь пишет свой рассказ — «Гражданский человек», позднее названный «Сибиряк» — о судьбе погибшего боевого друга.

Интересно, что и другие писатели-фронтовики не раз отмечали явное несоответствие всего того, что сами они пережили на войне, и тем, как это иногда преподносится в художественной литературе. «Многое из того, — отмечал, например, Василь Быков, — что в 40—50-е годы печаталось, было неудобочитаемым, неприемлемым для непосредственных участников войны». И далее — поразительное, но вполне закономерное совпадение — В. Быков, говоря о том, что заставило его взяться за перо, называет ту же побудительную причину, что и В. Астафьев. «И я, быть может, взялся за перо, побуждаемый скорее полемическим чувством, поскольку почти не находил такие книги, на которые бы отзывалась моя душа фронтовика»¹.

В дальнейшем своем творчестве, и не только в произведениях на военную тему, В. Астафьев будет прочно опираться на пережитое, на свой личный жизненный опыт. «Жизнь и литература находятся у него в отношениях полного доверия», — писал С. Залыгин, причислявший В. Астафьева к тем художникам, для которых искусство — «прежде всего их собственный — прошлый и настоящий, и удавшийся или неудавшийся, но тоже опыт предвидения будущего»².

Конечно, неправильным было бы упрощенно понимать значение собственного опыта писателя в его творчестве. Будто бы достаточно многое увидеть, узнать и испытать, потом переложить все это на бумагу — и произведение готово. Личный опыт — это лишь необходимый «строительный материал», из которого зодчий возводит здание художественного произведения. Но здание это будет лишь в том случае совершенным и гармоничным, если творец его обладает талантом, способностью обобщить пережитое, сделать свое, личное, индивидуальное нужным и важным многим, отразить насущные проблемы времени.

¹ Быков В. Помнить. — Литературная газета, 1984, 11 июля, с. 4.

² Залыгин С. Литературные заботы. М., 1982, с. 230, 231.

Если вчитаться в произведения Виктора Астафьева о войне, то можно ясно увидеть, что личный его опыт фронтовика-окопника нашел в них, с точки зрения внешней, что ли, стороны изображения событий, далеко не полное отражение. В этих произведениях совсем немного, например, батальных сцен. Даже в самой «военной» вещи — повести «Пастух и пастушка» — батальные сцены, хотя и играют в идейно-художественном плане важную роль, но занимают далеко не центральное место. А в повести «Звездопад», рассказах «Где-то гремит война», «Сашка Лебедев», «Сорока», «Бери да помни», «Ясным ли днем» и других их или нет совсем, или даны они эпизодически. Но и там, где писатель рисует бой, сражение — это лишено у него аффектации, патетики. Все предельно жестко, порой даже натуралистично. «Война,— убежден В. Астафьев,— если знаешь ее не по кино и не по книжкам, все-таки состоит больше из работы — тяжелой, надсадной...» Недаром, в «Пастухе и пастушке» опытные, умелые воины земляки Малышев и Карышев воевали, «как работали, без суеты и злобы».

Личный фронтовой опыт для В. Астафьева как бы трамплин, оттолкнувшись от которого он с позиций сегодняшнего дня пытается философски осмыслить войну во всей ее грандиозности. Грандиозности не пространственной, а, если можно так выразиться, духовной. Передовая траншея, масштаб армейский или фронтовой — для Астафьева — это лишь часть войны. Он видит войну в ее глобальной, общечеловеческой всеохватности, в ее решающем влиянии и на судьбу отдельного человека, и на судьбу народа в целом.

Великая Отечественная война захватила в свою орбиту не только людей, непосредственно воевавших, но и самым прямым образом отразилась на жизни всей страны, каждого человека, круто и драматично повернув устоявшееся бытие. «Буря пронеслась над землей», — скажет один из героев В. Астафьева.

А кроме того, убежден писатель, о войне, вообще, не стоило бы писать, если бы она самым решительным образом не повлияла на последующее развитие общества. «Как будто война — это только бои, бои и ничего больше. Но в таком случае после последнего выстрела все встало бы на свои привычные места и след войны не был бы тем неизгладимым следом, который остался в нашей душе и как-то, да это и неизбежно, не отражался на психике наших детей и всего общества»¹.

Потому-то, наверное, герои Виктора Астафьева, как и он сам, пережившие войну («Как это я умудрился столько прожить? — спрашивает себя писатель.— По какому праву? Чем я лучше тех молодых парней, которых сам закапывал на обочинах военных дорог?»), будут нести в себе душевный опыт и печать войны, мерить свою жизнь высокой меркой великого и трагического

¹ Астафьев В. Посох памяти, с. 41.

времени. И постоянно мучительно спрашивать себя: «За что судьба даровала мне счастье жизни? Достоин ли я его?»

О тех молодых парнях, с которыми пришлось Виктору Астафьеву вместе воевать, но которым не пришлось дожить до победы, и написал он одну из лучших и, по его собственному признанию, одну из самых «труднее и больнее доставшихся» ему вещей — повесть «Пастух и пастушка» (1971). «Четырнадцать лет, — вспоминал В. Астафьев, — я носил в себе эту маленькую повесть, несколько лет писал и переписывал. Недавно, после четырех изданий, переписал снова».

«Современная пастораль» — такой подзаголовок, многое определяющий и проясняющий в идейном звучании произведения, дал писатель своей повести, в которой есть любовь, есть счастье — эти главные приметы традиционной пасторали.

Но астафьевская пастораль далека от традиционной, от светлых, радостных, умиротворением дышащих картин, от гармонии чувств героев и окружающего их мира. И недаром писатель рядом со словом «пастораль» поставил слово «современная», как бы подчеркнув тем самым жестокую определенность времени, безжалостного к человеческим судьбам, к самым тонким и трепетным порывам души.

Есть в повести очень важное противопоставление. Детское воспоминание главного героя лейтенанта Бориса Костяева о театре с колоннами и музыкой («Знаешь, музыка была сиреновой...»), о пасущихся на зеленой лужайке белых овечках, о танцующих юных пастухе и пастушке, любивших друг друга и «не стыдившихся этой любви и не боявшихся за нее», резко, кричаще контрастирует, внешне сдержанно, но внутренне поразительно глубоко и эмоционально, с обостренной болью и щемящей душу печалью написанной сценой об убитых стариках, хуторских пастухе и пастушке, «обнявшихся преданно в смертный час».

«Залп артподготовки прижал стариков за баней — тут их и убило. Они лежали, прикрывая друг друга. Старуха спрятала лицо под мышку старику. И мертвых било их осколками, посекло одежку...»

Хведор Хвонич пробовал разнять руки пастуха и пастушки, да не смог и сказал, что так тому и быть, так даже лучше — вместе на веки вечные...

Положили головами на восток пастуха и пастушку, закрыли их горестные, потухшие лица: старухино — ее же полушалком с реденькими висюльками кисточек, старика — ссохшейся, кожаной шапчонкой...»

Короткая эта сцена, символика которой («В «Пастухе и пастушке», — скажет Астафьев, — я стремился совместить символику и самый что ни на есть грубый реализм»¹) особенно оче-

¹ Астафьев В. Посох памяти, с. 189.

видна в контрасте с театральной идиллией,— пожалуй, центральная в произведении. В ней как бы сконцентрирован трагизм войны, ее антигуманность. И мы теперь не можем воспринимать дальнейшее повествование, следить за короткой, как вспышка ракеты, историей любви Бориса и Люси, за судьбами других персонажей иначе, как через призму этой сцены.

Показать антигуманную сущность войны, ломающей и коверкающей судьбы, не щадящей самые светлые и чистые человеческие чувства, уничтожающей самую жизнь,— вот, пожалуй, главная задача, которую ставил перед собой В. Астафьев, создавая «Пастуха и пастушку».

И не случайно после своеобразного вступления, сразу же, с первой строчки вносящего в повествование щемящую ноту печали,— немолодая уже женщина, идущая по пустынному полю («И брела она по дикому полю, непаханому, нехоженому, косы не знавшему»), опускается на колени перед одинокой могилой и спрашивает кого-то, видимо очень ей близкого и дорогого: «Почему ты лежишь один посреди России?» — следует первая часть, названная кратко и определенно — «Бой». В. Астафьев как бы погружает нас в атмосферу войны, густо насыщенную болью, неистовством, ожесточением, страданием, кровью, смертью. Мы будто присутствуем там, будто видим и чувствуем то, что видят и чувствуют герои повести — настолько живописно здесь перо художника.

«Орудийный гул опрокинул и смял ночную тишину» — этой фразой В. Астафьев начинает первую часть, а дальше в мельчайших подробностях рисует картину ночного боя, в которой наиболее впечатляющей и запоминающейся получилась сцена рукопашной схватки.

«Началась рукопашная. Оголодалые, деморализованные окружением и стужей, немцы лезли вперед безумно и слепо. Их быстро прикончили штыками. Но за этой волной накатила другая, третья. Все перемешалось, дрожь земли, мерзлые, с визгом откаты пушек, которые били теперь и по своим и по немцам, не разбираясь, кто где. Да и разобрать уж ничего было нельзя.

Борис и старшина держались вместе. Старшина — левша, и в сильной левой руке он держал лопату, а в правой — трофейный пистолет. Он не палил куда попало, не суетился. Он и в темноте видел, где ему надо быть. Он падал в сугроб, зарывался, потом вскакивал и делал короткий бросок, рубил лопатой, стрелял и отбрасывал что-то с пути.

— Не психуй! Пропадешь! — кричал он Борису.

Дивясь его собранности, этому жестокому и верному расчету, Борис и сам стал видеть бой отчетливей и понимать, что взвод его жив и дерется, но каждый боец дерется поодиночке, и нужно знать солдатам, что он с ними.

— Ребя-а-а-ата-а-а-а! Бе-е-ей! — кричал он, взрыдывая.

На крик его густо сыпали немцы, чтобы заткнуть ему глотку.

Бои.

Но на пути ко взводному все время оказывался Мохнаков и оборонял его, оборонял себя и взвод. Пистолет у старшины выбили, или обойма кончилась. Он выхватил у раненого немца автомат, расстрелял патроны и остался с одной лопаткой. Отоптав место возле траншеи, Мохнаков бросил через себя одного, другого тощего немца, но тут выбился из тьмы еще один, с визгом, по-собачьи впился зубами в ногу старшины, и они клубком покатались в траншею, где копошились в снегу и комках земли раненые, от боли и слепой ярости воя и бросаясь друг на друга...»

Эта сцена написана опять же не ради простого фотографического отображения «окопной правды». И не для того только, чтобы «выплеснуть» на бумагу все то, что навсегда врезалось в душу, в память бывшего фронтовика. Эта часть, как уже говорилось, фактически начинающая повесть, призвана подвести читателя к основной мысли произведения — о противоестественной природе войны, заставляющей людей убивать друг друга. И больше того — о страстной надежде, вере в то, что война

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Живая память поколения	10
Глава II. Главный герой — Правда (Юрий Бондарев) . .	43
Глава III. Нравственность подвига (Василь Быков) . . .	84
Глава IV. Главная армия России (Евгений Носов)	117
Глава V. Эта война должна быть последней! (Виктор Астафьев)	139
Глава VI. Сердца моего боль (Владимир Богомолов) . .	155
Глава VII. Книги, вместившие судьбу (Константин Воробьев)	168
Заключение	190

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48